

УДК 821.111  
ББК 84(7Coe)  
К50

Серия «Звезды научной фантастики»

Marko Kloos  
TERMS OF ENLISTMENT

Публикуется с разрешения Ethan Ellenberg Literary  
Agency (США) при содействии Агентства  
Александра Корженевского (Россия)

Перевод с английского: *Роман Демидов*  
В оформлении обложки использована  
иллюстрация *Михаила Емельянова*  
Дизайн обложки: *Юлия Межова*

**Клоос, Марко**  
К50 Сроки службы / Марко Клоос. — Москва: Изда-  
тельство АСТ, 2020. — 412, [2] с. — (Звезды науч-  
ной фантастики).

ISBN 978-5-17-982645-3

Начало XXII века, Северо-Американское содружество трещит по швам. Для дохода на соцобеспечении, вроде Эндрю Грейсона, есть только два пути вырваться из огромных и кишаших преступностью мегаполисов, где дневной рацион ограничен дурно пахнущим соевым полуфабрикатом и убивают за кусок мяса. Можно выиграть в лотерею и отправиться колонизировать далекие планеты. А можно пойти в армию. Правда, победителей с годами становится все меньше, поэтому Эндрю отправляется в армию ради настоящей еды и возможности повидать космические дали. Вот только он еще не знает, что за это придется заплатить слишком высокую цену, что сражаться надо будет даже не с противником, а с собственным командованием и озверевшими от голода и нищеты согражданами, что из армии мало кто возвращается, а в колониях зачастую творится настоящий ад. Он еще не знает, что скоро мир изменится, ведь космос таит опасности, масштаба которых люди даже не представляют.

Revised edition: Text copyright © 2014 by Marko Kloos  
All rights reserved.

© Роман Демидов, перевод, 2018

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Посвящается Робин: жене, лучшему другу  
и самому талантливому из известных мне людей



## Глава 1

### ПРОЩАНИЕ

— Тебе стоит повидаться с отцом,— говорит мама с кухни.

Я отрываюсь от читалки и смотрю на мать. Та ставит лоток с едой в печь для подогрева и не видит адресованной ей ухмылки. Я возвращаюсь к чтению о гибели «Пекода», которая сейчас интересует меня куда сильнее.

— Ты меня слышишь, Эндрю?

— Я слышу, мам. Просто я тебя игнорирую.

— Не умничай. Ты что, собираешься улететь не попрощавшись?

— А на фига мне прощаться-то? Он все равно будет под лекарствами и ничего не поймет.

Мама достает лоток с едой из печи. Подходит к столу и демонстративно ставит его передо мной.

— Убери эту штуку на время обеда, пожалуйста.

Я вздыхаю — тоже демонстративно — и выключаю читалку.

— Ты будешь проходить подготовку несколько месяцев, Эндрю. Его рак развивается быстро, и ты можешь никогда больше его не увидеть.

— И хорошо,— говорю я.

Мама смотрит на меня, на лице ее смешиваются печаль и ярость, и на секунду кажется, что сейчас она залепит мне пощечину, чего не делала с тех пор, как мне было десять. Потом ее взгляд смягчается, и она выглядывает в окно. Дождь падает широкими лентами на бетонный кротовник нашего Коммунального Кластера. Ненавижу дождливые дни — от сырости запах становится еще хуже. Моча и разлагающийся мусор — вездесущий аромат города на соцобеспечении.

— Все-таки он твой отец,— говорит она.— У вас больше не будет возможности поговорить. Если не сходишь и не увидишься с ним сейчас, когда-нибудь об этом пожалеешь.

— Ты сломала ему *нос*, когда уходила от него,— напоминаю я.— И как-то не особо расстроилась, когда узнала про рак. Какого черта я должен беспокоиться?

— Это было семь лет назад,— говорит мама. Она выдвигает стул и садится к столу.— Много всего случилось за это время. Знаешь, он был горд за тебя, когда я рассказала, что ты получил письмо о зачислении.

Она смотрит на меня, а я пытаюсь игнорировать это, снимая пленку с лотка. Вкус дня — курица с рисом. Не столь уж многое можно сделать с переработанным белком Стандартного Пищевого Пайка, чтобы он стал аппетитнее. Тыкаю фальшивую куриную котлету вилкой и поднимаю глаза на маму, а та

понуро глядит на меня и хочет, чтобы я почувствовал себя виноватым. Пару секунд я держусь, а потом пожимаю плечами.

— Я схожу к нему,— говорю я.— И если по пути меня ограбят и убьют, надеюсь, ты будешь раскaiваться.

\* \* \*

**В** моей комнате как раз хватает места для кровати, письменного стола и шкафа. Мебель сделана из нержавеющей стали и прикручена к полу, чтобы мы не могли сдать ее в металлолом. Шкаф наполовину пуст. У меня не хватает вещей, чтобы его заполнить.

Открываю верхнее отделение, где ютится жалкая стопка одежды, и бросаю сверху читалку. В прошлом году я отдал за нее коробку старых патронов кольцевого воспламенения, и парень, с которым я менялся, подумал, что я полный лопух. Наклейки «Имущество школы» свести невозможно, но домовая полиция прыгает от восторга далеко не при виде школьной техники. Во время рейдов по квартирам ищут только оружие и наркотики. Я мог бы спрятать читалку, если бы захотел, но копы становятся подозрительными, когда не находят совсем ничего недозволенного.

Прохожу через квартиру ко входной двери, и мама высовывает голову из кухонного закутка.

— Эндрю?

— Да, мама.

— Сегодня воскресенье. Зайдешь на пищевую станцию за своим недельным пайком?

— Завтра я уезжаю на подготовку. Я не смогу его съесть.

Мама просто смотрит на меня и выглядит так, будто ей почти стыдно. Тогда я просекаю, в чем дело, и пожимаю плечами.

— Я заберу свой паек, мам.

Она открывает рот, хочет что-то сказать, но я разворачиваюсь и выхожу за порог, так что ее ответ тонет в глухом хлопке закрывшейся двери.

\* \* \*

**В** нашем подъезде снова сломался лифт. Я открываю дверь на лестничную клетку и прислушиваюсь. Лестницы — пристанище многочисленных шаек начинающих отморозков, потому что в узких пространствах удобно окружать людей. Домовая полиция вламывается сюда только в поисках пушек и наркоты. В остальное время они обходят многоквартирки стороной. На каждом этаже есть камеры наблюдения, но большая их часть сломана. Всем чхать на коммунальных крыс.

Мы живем на двенадцатом этаже тридцатиэтажного дома. Я спускаюсь, проскакивая три-четыре ступеньки за раз, жертвуя тишиной ради скорости. Внизу я еще раз останавливаюсь и прислушиваюсь. Потом открываю дверь в холл и выскальзываю из здания, чтобы забрать свое оружие.

Пушки запрещены в коммунальных домах, но все равно почти у всех они есть. Я не держу свою дома из-за внезапных проверок, и потом, маму удар хватит,

если она ее найдет. Прячу ствол в водонепроницаемой трубе, которую засунул в трещину на огромном передвижном мусоросжигателе около дома. Это отличный тайник — никто никогда туда не заглядывает, контейнер всегда на одном и том же месте, — но из-за него меня легко сцапать, пока я не вышел из здания. Убеждаюсь, что никто не смотрит, и подхожу к мусорному баку.

Каждый раз, когда я тянусь к трещине, ожидаю, что она пуста. Моя рука касается прохладного металла магнитной коробки — и я каждый раз вздыхаю с облегчением. Откидываю крышку и достаю свою пушку. Это древний револьвер под унитарный патрон, сделан века полтора назад. В него влезает только шесть зарядов, но зато он работает даже с самыми дрянными боеприпасами, которых куда больше, чем хороших. Большая часть моего скромного запаса амуниции сделана вручную из старых латунных гильз и выклянченных кусочков свинца. Револьверы популярнее автоматки, потому что осечка их не тормозит.

Засовываю револьвер в штаны, к тазовой кости, где его удержит натяжение пояса. Ходить с нелегальным оружием опасно, но шляться по Коммунальному Кластеру безоружным куда опаснее.

Одно преимущество у дождя. Из-за него люди сидят по домам, даже хищники. Когда снаружи льет, город становится почти мирным. Я натягиваю капюшон куртки и шагаю по улице.

За пять минут вода пробирает до костей. Можно остаться сухим, если прятаться под навесами и козырьками зданий, но я лучше промокну. Двери и



прочие темные места возле зданий опасны. Пройдешь там, где околачиваются юные головорезы,— и конец прогулке. В прошлом году меня дважды чуть не ограбили, а я осторожнее многих.

Отец живет почти на другом конце КК. Рядом есть остановка общественного транспорта, но, если я туда сунусь, сработают оружейные сканеры, поэтому топаю пешком.

Я вырос здесь. Никогда не был за пределами Бостонского метроплекса. Завтра я отбываю на Начальную подготовку, и если не засыплю на ней, то никогда больше не увижу этого места. Оставлю позади все, что знал, и всех, кто знал меня, и я не могу этого дождаться.

\* \* \*

**П**апа открывает дверь после третьего звонка. Последний раз мы виделись больше года назад, и я потрясен тем, как сильно он изменился с тех пор. У него изможденное лицо. В молодости он был очень красивым мужчиной, но рак съел почти всю его плоть. Зубы отвратительны настолько, что мне хочется отшатнуться, когда он улыбается.

— Надо же,— говорит он.— Пришел попрощаться, да?

— Мама меня послала,— говорю я.

— Еще бы она этого не сделала.

Мы смотрим друг на друга, и мое сердце успевает сделать несколько ударов, прежде чем он поворачивается и уходит внутрь.

— Ты заходи, заходи.

Я шагаю в прихожую и закрываю за собой дверь. Отец проходит в комнату, где со вздохом падает на диван. На столе перед ним огромная груда лекарств. Он ловит мой взгляд и пожимает плечами.

— И все это бесполезно. Коновал в клинике говорит, что через полгода мне кормить червей.

Я хочу съязвить в ответ, но почему-то не могу себя заставить. В комнате пахнет болезнью, а отец выглядит жалким. Рак пожирает его изнутри, и он умрет в этом доме, где лестницы воняют мочой. Что бы я ни сказал, ему от этого не станет хуже, а мне — лучше.

Когда мне было четырнадцать, я отдал бы все что угодно за возможность прикончить своего папашу, отомстить за побои и унижения. Теперь он передо мной, настолько слабый, что мне даже револьвер за поясом не нужен, а у меня не осталось ненависти к нему.

— Я думал, твоя мать мне наврала,— говорит он.— Не верил, что ты пройдешь. С твоими-то вечными книжками.

— Может, я поэтому и прошел,— говорю я.— Люди с мозгами им тоже нужны.

— Будешь жать кнопки где-нибудь. Не пошлют тебя убивать других людей. Ты на это не способен.

«Потому что не давал сдачи, когда ты использовал меня вместо боксерской груши?»

Эти слова — отличный повод, чтобы рывкнуть на отца, но я понимаю, что он провоцирует меня, и не хочу доставлять ему удовольствие.

— Посмотрим,— отвечаю я, и он шлет мне еле заметную улыбку. Я до ужаса похож на него. Если я засыплюсь, то вернусь сюда, в КК, и когда-нибудь кончу точно так же, одинокий и напуганный, запертый на паре десятков квадратных метров посреди коммунального города. Квартиры в КК недолго пустуют после смерти жильца. Твои вещи выбрасывают, проводят химчистку помещения, забивают в дверь новый код доступа и в тот же день передают помещение новому государственному иждивенцу.

— Когда ты отправляешься?

— Завтра вечером,— отвечаю я.— Должен явиться на призывной пункт к восьми.

— Смотри не влипни. Если тебя арестуют, твое место займет следующий по списку.

— Не беспокойся,— говорю я.— Если я в чем-то сомневаюсь, то думаю, как поступил бы ты,— и делаю наоборот.

Отец отвечает хриплым смешком. Когда еще мы жили под одной крышей, за такую агрессию он бы меня отколошматил, но рак выпил весь его гнев.

— Ты вырос маленьким засранцем,— говорит он.— Только о себе и думаешь. Веришь, я был таким же в твоем возрасте.

— Я не такой, как ты, папа. *Совсем* не такой.

Потешаясь, он смотрит, как я иду к выходу из квартиры.

У двери оборачиваюсь.

— Да иди уже,— говорит он, не дав мне попрощаться.— Увидимся, когда тебя признают негодным.

Я смотрю на него, человека, от которого мне досталась половина генетического кода. Говорю себе, что вижу его в последний раз — и должен сказать что-то, почувствовать, что точка поставлена. Вместо этого я просто разворачиваюсь и ухожу.

Иду к лестнице по обшарпанному коридору. Уже на ступеньках я слышу, как тихо закрывается дверь в квартиру моего отца.

\* \* \*

**П**о пути домой я захожу на пищевую станцию, чтобы забрать свою еженедельную баланду. Она выдается в запечатанных одноразовых лотках, двадцать одна штука в коробке. Каждый государственный иждивенец получает по коробке в неделю, четырнадцать тысяч калорий Стандартного Пищевого Пайка.

СПП делают из переработанного белка, обогащенного питательными веществами, витаминами и искусственными ароматизаторами, чтобы сделать еду терпимой. Говорят, его специально готовят так, чтобы вкус был приемлемым и только чтобы не допустить избыточного потребления, но мне кажется, что никакой научный процесс не способен сделать из СПП кулинарный шедевр. Все равно вкус будет таким, словно на протеин пустили копыта и хвосты, что, скорее всего, недалеко от правды. Один мой школьный друг утверждал, что СПП частично готовят из разведенного человеческого дерьма, добытого из водоочистных установок, что, скорее всего, тоже близко к правде. Раз уж питьевая вода делается из